

Три мира, если верить «Велесовой книге», было у древних славян: Явь — мир видимый. Навь — потусторонний и Правь — мир справедливости. Явью от Русского Устья остались вот эти две заваливающие постройки из хозяйства Шелоховского, наполовину погружившиеся в Навь, откуда она и начинается, и продолжается полноправно неподалёку сухоступом кладбища. Для глаза на нём мало что осталось: чугунный памятник русскоустыинскому потомственному жителю Алексею Киселёву, привезённый ещё в начале века из-за далям с далями его разбогатевшими сыновьями, да остатки крестов и голбасов, которые надстраивались над могилами. Кладбище уходило в глубь огибень-полуострова, а «жило» (жилё) тянулось метрах в ста вдоль берега. Печица от изб хорошо заметны ещё и сегодня, и по ним, показывающим достаток, даже мне, постороннему человеку, начитавшемуся и наслушавшемуся о Русском Устье, нетрудно угадать, где стоял дом богача Ивана Щелканова и где — «Гаврилёнка», дедушки братьев Чикачёвых. Рядом с ним, с чикачёвским родовым теплом, как возданная Правь, одиноко торчит памятник Русскому Устью — сварной металлический лист в виде паруса на коче. Надпись говорит: «Здесь находилось старинное селение Русское Устье, основанное Иваном Ребровым в 1638 году», указани-ем для которой А.Г. Чикачёву послужила сохранившаяся запись, что в том году тем Иваном Ребровым, шедшим от Яны-реки, срублено было на Индигирке ясачное зимовье с острожком.

И опять давящая тоска, чувство брэнности и тцеты: вот прожили они здесь самым малым счётом три века и ещё более полувек — только-то и осталось от них! Мы привыкли видеть смысл человеческого существования в делах рук человека — в построенных городах, распаханных полях, вычерченных и собранных машинах. И всё это в заслугу старинному селению поста-

вить затруднительно: и сами кормились, и для других заготавливали «божье» — песка, рыбу, мясо, даже ездили по «божьим» дорогам, которые с каждой весной или зимой надо торить заново. Всё, чем жили триста с лишним лет на этом берегу, изошло, рассеялось, иссякло. И во что, кроме тлена, обратилось? Есть ли в свете справедливый счёт, отмеряющий пользу

и тцету нашего бытия, и кто настраивает его? Неужели только того в конце концов и заслужило Русское Устье, что скорбно-го погоста да поднятого над ним, как над возвращающимся в отчие пределы кочем, застывшего паруса?

И долго, как отплыли, молчали виновато и удручённо братья Чикачёвы, пока не стогношили на катере чай и не зашёл разговор, что нигде, ни в каком краю, невинных нынче не осталось. Это какая-то

вселенская наша вина за Землю единую и за каждую в отдельности, поруганную дурной цивилизацией и не оплаканную из упрямства, что тот и бог, у кого длиннее рог. Со страстью совлекаемы, без покаения отпускаемы. И у лучших из нас не исчез соблазн, закрывшись торопливым «аминь», кинуться вслед за теми, кто умеет смотреть только за горизонты, не видя ничего под собственными ногами.

Позднее с Индигирки дошёл слух, и я с радостью поспешил вписать его в этот текст, что братья Чикачёвы числом в четыре пары рук свезли на барже в Станчик кой-какой строительный материал и поправили, почти подхватили в упале тамошнюю часовенку, привели её если не в божий, то в мало-мальски пригожий вид.

Позже ещё одно известие: русскоустыинцы отметили 350 лет от основания своего села. Что ж, и 350 немало. А если к ним добавится остаточек лет в 50, про запас выглядывающий за означенным сроком и притягательный, как самый лакомый кусок, так и того лучше. Разве не соблазнительно представить, что примерно в ту же пору, когда Ермак отбивал на Иртыше, с западного пояся, у татар город Искер (другое название — Сибирь), на крайнем восточном конце уже держал русский человек в своих руках противоположный прихват — и только оставалось то поясье прошнуровать.

Последние известия относятся ко всему побережью Ледовитого океана. Оно в сущности брошено Россией на произвол судьбы. Я дописываю эти строки зимой: «на северах» (так говорят у нас, деля выстуженные пространства на части, складывающиеся каждая вокруг какого-то главного дела) глухая полярная ночь. Уже не первый год не завозится туда в необходимых

количествах горючее и продовольствие, десятки тысяч людей, распродавая имущество и спасаясь от голода и холода, каждое лето «выбрасываются» на материк. И у десятков тысяч, сманенных когда-то в неприятные места хорошими заработками, нет теперь денег, чтобы эвакуироваться из зоны бедствия. В Москве, где было принято единое на всю Россию правило: каждый выживает как может — о них стараются не вспоминать.

В Русском Устье перестали заготавливать песка — невыгодно. Дорог бензин для охоты на «Буранах», а собачьи упряжки отставлены, ни одной не осталось. Закрыли рыбозавод, рыбу не принимают. Всё, чем жило Русское Устье, оказалось без надобности. Через сто лет после того, как оно явилось из тьмы безвестности, Русское Устье вновь уходит в ту же тьму. Повторяется: «в России их вовсе потеряли». На какие сроки в этот раз — неизвестно. С голоду русскоустыинец не пропадёт, допрежняя жизнь научила его обходиться тем, что даёт тундра. Не станет совсем муки — перейдёт на рыбные лепёшки; загаснет электричество — запалит лучину. Ни один из старых навыков у него не потерял. Обзаведётся вновь собачьим транспортом, перестанет надеяться на завозной товар. И вспомнит, должно быть, опять булю и сказку, вспомнит и чувство, с каким сказывались они у разожжённого чувала.

Или это только оттяжка перед неизбежным сгоранием в жертвенных огнях цивилизации?

А я всё не могу забыть, как сплавлялись мы мимо русскоустыинских погостов к океану. Десять лет прошло, а всё чудится мне: поднятая побудным звуком от мотора нашего катера, встала по обеим сторонам Индигирки вся рать досельных людей, обживавших эти берега, и сурово всматривается в нас. И не может понять: что за народ народился? Куда правим мы? От чего бежим? Что ищем?

Было в Омске два памятника Фёдору Достоевскому...

...Один — «Крест несущий» работы Александра Капралова у Театра драмы. Второй — Сергея Голованцева, изобразившего классика идущим с Евангелием в руке. И вот появился третий — книжный памятник

А сделал этот подарок городу благотворительный фонд «Возрождение Тобольска» и омские предприниматели.

Омск Достоевского существует и будет существовать, как мир художественных образов, созданный гением писателя. Десятьк полтора домов, несколько улиц, кусочек набережной Иртыша — вот и всё, но сколько могут они рассказать! Бывший комендантский дом — это музей, носящий имя писателя. Его стены помнят Достоевского. Здесь его радушно принимал комендант Омской крепости Алексей Фёдорович де Граве, оказывавший покровительство отверженному писателю. Улица Гусарова — на территории военного госпиталя за торговым центром до сих пор сохранился деревянный корпус — там в палате для арестантов не однажды лечился Достоевский, там писал свою знаменитую «Сибирскую тетрадь». Как часто потом эта самодельная шитая из листов писчей бумаги тетрадка помогала писателю при создании его произведений! Именно здесь, в Омске, он встретился с людьми, ставшими прототипами героев его романов...

За несколько минут перед собравшимися в зале Центра книжных памятников Омской областной научной библиотеки им.Пушкина пролетели самые драматичные моменты жизни Достоевского, которому ещё только предстояло стать гением русской литературы. От Семёновского плаца, где до смерти был лишь шаг, до ворот острога, что распахнулись через четыре года — уже перед совсем другим

человеком, многое переосмыслившим и укрепившимся в вере: «В каторге между разбойниками я в четыре года отличил, наконец, людей. Поверишь ли: есть характеры глубокие, сильные, прекрасные, и как весело было под грубой корой отыскать золото. Иных нельзя не уважать, другие решительно прекрасны».

Отрывок из спектакля омского театра живописи «Сцены из Мёртвого дома» в исполнении актрисы Филоненко стал прекрасным эпитафием к событию — акции дарения трёхтомного издания Евангелия Достоевского Омской областной научной библиотеке им. Пушкина и омскому литературному музею им. Достоевского.

Получилось очень символично. Ведь Тобольск и Омск стали для Достоевского знаковыми и, по сути, определили его дальнейшую судьбу и творческий путь. Сибирь для него оказалась местом прозрения, покаяния и духовного возрождения. А возвращение в литературу началось с навянных каторжными впечатлениями «Записок из Мёртвого дома», которые Фё-

дор Михайлович опубликовал в «Русском мире». «Мой "Мёртвый дом" сделал буквально фурор, и я возобновил им свою литературную репутацию», — писал он.

— Книга — всегда произведение искусства. Но эта книга — настоящий шедевр. Выражаю глубокую благодарность всем, кто участво-

В Омске Фёдор Достоевский пережил тяжкие минуты невероятного отчаяния — на каторге его, офицера и дворянина, ненавидели вдвойне. «В уединённом, замкнутом положении моём я несколько раз впал в настоящее отчаяние», «были и у меня такие минуты, когда я ненавидел всякого встречного, правого и виноватого, и смотрел на них, как на воров, которые крали мою жизнь безнаказанно...».

Ему было суждено, подобно Иову, пережить и боль оставленности близкими людьми — всем каторжанам тайными путями поступали письма от родных, а он так и не дождался ни одного письма от любимого брата Михаила...

Спасало только Евангелие. — Сегодня вы сделали подарок всем омичам — и нынешним и будущим. И не только им. И «Пушкинка», и музей Достоевского — брендовые точки на карте города, в том числе туристической. Значит это увидят ещё очень многие, — подчеркнул директор библиотеки им.Пушкина Александр Ремизов.

— Выпуск этого Евангелия — грандиозное событие. По-настоящему постичь мир Достоевского можно только идя вслед за его внутренней духовной работой, — отметил директор литературного музея Виктор Вайнерман. — Петербургские коллеги напомнили, что в 2019 году нас ждут две знаковые даты: 170 лет как Достоевский выехал из Петербурга на каторгу и 160 лет как он навсегда покинул Сибирь, возвращаясь к литературной жизни. Мы проведём совместный проект: мост между Омском, Петербургом и Тобольском. Так что у нас впереди много замыслов.

вал в его создании. Омск и Достоевский — это глубокая и, наверное, вечная тематика. И она всегда будет с нами, — сказал министр культуры Омской области Юрий Трофимов.

— Мы обретаем святых, связанные с именем Достоевского: Воскресенский собор, где молился каторжанин Достоевский, сегодня — факсимильное издание Евангелия, которое помогло Фёдору Михайловичу пройти выпавшие на его долю испытания. Книга, сохранившая его памяти — действительно удивительное явление, — отметила Лариса Пономарёва, заведующая центром книжных памятников библиотеки им.Пушкина.